

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им.АЛЬ-ФАРАБИ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER AL-FARABI

ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
FACULTY OF PHILOLOGY AND WORLD LANGUAGES

ОРЫС ФИЛОЛОГИЯСЫ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ӘДЕБИЕТІ КАФЕДРАСЫ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
DEPARTMENT OF RUSSIAN PHILOLOGY AND WORLD LITERATURE

Международный научно-методический семинар
«Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: теория, практика, методика»

«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті: теориясы, тәжірибесі, әдістемесі» атты
Халықаралық ғылыми-әдістемелік семинар

International scientific-methodological seminar
«Russian language and literature in the modern educational space: theory, practice, technique»

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

УДК 80/81(063)
ББК 81.2 рус.+83
Қ 22

Рекомендовано Ученым советом факультета филологии и мировых языков

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор

Б.У. Джолдасбекова

зам.заведующего кафедрой по учебно-методической и воспитательной работе

Ж.А. Баянбаева

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы

С.К. Сансызбаева

Қ 22

«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті: теориясы, тәжірибесі, әдістемесі: **Халықаралық ғылыми-әдістемелік семинар**» - «Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: теория, практика, методика»: **Международный научно-методический семинар.** - Алматы: Қазақ университеті, 2017. – 257 с.

ISBN 978-601-04-2084-7

Предназначен для филологов, специалистов гуманитарного профиля, преподавателей, докторантов, магистрантов филологических специальностей.

УДК 80/81(063)
ББК 81.2 рус.+83

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

<i>Абишева У.К.</i> МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ КАЗАХСТАНА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ.....	7
<i>Ананьева С.В., Таттимбетова К.О.</i> ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ США И КАЗАХСТАНА...13	
<i>Афанасьева А.С.</i> ИЗУЧЕНИЕ АРХЕТИПА "ДОМ" В КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ.....18	
<i>Григорьева И.В., Туманова А.Б.</i> СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИН ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА	21
<i>Джаламова Ж.Б., Джолдасбекова Б.У.</i> ТВОРЧЕСТВО М.М. ПРИШВИНА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	26
<i>Екшембеева Л.В.</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ЯЗЫКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ...33	
<i>Жаксылыков А. Ж., Абдильбеков У.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИКИ Р. СЕЙСЕНБАЕВА.....	39
<i>Зуева Н.Ю.</i> ЗАДАЧИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ КАК НАУКИ.....	46
<i>Ибраева Д.С.</i> ОБРАЗ КОЛОКОЛА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И.П. ШУХОВА "ПРЕСНОВСКИЕ СТРАНИЦЫ".....	51
<i>Итжанова Н.Б.</i> ОБ ОСНОВНОМ МЕТОДЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.....	54
<i>Козай Э.Р., Айнабекова Г.Б.</i> К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МЕТОНИМИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО «ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА».....	57
<i>Ли В.С., Азизова А.О.</i> О ПРИНЦИПАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	63
<i>Ломова Е.А., Шанаев Р.У.</i> СУБЪЕКТНАЯ ФОРМА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ О. СОМОВА.....	67
<i>Мейрамгалиева Р.М., Абдильда Д.М.</i> Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ И А.М.ГОРЬКИЙ: ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.....	71
<i>Сансызбаева С.К., Азизова А.О.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ УСТНОМУ ПУБЛИЧНОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ.....	76
<i>Сарсекеева Н.К., Баянбаева Ж.А.</i> ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СИСТЕМЕ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗНУ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ.....	81
<i>Сарсекеева Н.К.</i> СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.....	86

*Джаламова Ж.Б., Джолдасбекова Б.У.
Казахский национальный университет
им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)*

ТВОРЧЕСТВО М.М. ПРИШВИНА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Несмотря на то что изучение творческого наследия М.М.Пришвина имеет свою длительную и достаточно сложную и противоречивую историю, долгое время (по крайней мере до конца восьмидесятых — начала девяностых годов XX века) в читательском сознании существовала некая легенда о Пришвине как о волхве и знатоке природы, отстраненном от проблем человека и общества. Суть подобного отношения к писателю образнее всего выразил его младший современник К.Г.Паустовский: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина» [1,5]. Изучение творчества М.М. Пришвина при обучении филологов занимает важное место в процессе постижения ими закономерностей развития русской литературы XX века. Это способствовало бы более полному представлению о жанровых процессах, происходивших в начале XX века, а, следовательно, пониманию всех особенностей литературного процесса первой половины XX века.

Восполнить этот пробел может спецкурс по литературе «Жанровые процессы в прозе М.М. Пришвина: от миниатюры к контекстовым лирическим формам», основная задача которого проследить жанровую динамику основных форм пришвинской прозы, рассмотреть миниатюру как «корневой» жанр, на основе которого возникают различные контекстовые формы лирической прозы писателя.

Решение задачи в рамках спецкурса может происходить в нескольких направлениях: во-первых, необходимо рассмотреть теоретическую модель пришвинской миниатюры, дать ее классификацию и типологию; во-вторых, на основе высказываний и размышлений писателя выявить особенности его жанрового мышления и показать, что жанровая модель пришвинской миниатюры просматривается как структурная основа всех главных жанров прозы писателя: очерка, романа, сказки; в-третьих, необходимо рассмотреть пришвинскую миниатюру в контексте дневника, где она собственно формируется. В рамках темы следует обратиться к факторам, повлиявшим на своеобразие основных жанров художественной системы писателя: романа, сказки, очерка и лирико-философской миниатюры. На последнюю форму обращается особое внимание, так как мы считаем миниатюру «корневым» жанром пришвинской прозы.

Процесс формирования лирико-прозаической миниатюры начался в дневнике. Желание найти свое место в окружающем мире, открыть «тайну» природы и обрести «мировой покой» делают ведение дневника одним из условий духовного существования художника. Этот процесс неотделим от размышлений о природе искусства, о назначении художника, о соотношении формы и содержания. На материале дневника писателя можно изучать процессы, приводящие к созданию оригинальных, самобытных жанровых форм пришвинской прозы.

При изучении данного вопроса необходимо обращать внимание на следующее. «Нетрадиционность» пришвинского очерка связано с лиризацией повествования. В его текстах традиционная документальность и достоверность уступили место субъективному восприятию событий. «Зарисовки с натуры» получили форму лирических отступлений, передающих «мир чувств автора, вызванных картинами непосредственного восприятия природы» [2,67]. «Очерк обогащается поэзией, которая помогает расширению смысла, возникновению множественности фактов», - обращает внимание А.Л. Киселев [3,12]. В основе пришвинского очерка, особенно раннего, по мнению последнего, лежит идея самоценности жизни и ее «преходящих мгновений». Эту же мысль высказывает В.Д. Пришвина, относя к художественным особенностям жанра сочетание поэзии с «философичностью мысли и с точностью наблюдений» [4, 26]. Соединение науки, литературы и философии также придает своеобразие очерковой форме. Каждый факт, событие, явление, преподносимые с научной точностью этнографа, приобретали в произведениях лирический план и получали философское осмысление. Подобное интегрирование соответствовало мировоззрению автора, для которого путешествие отождествлялось с творческим процессом, включающимся в «жизненное действие» (жизнь), выявляющим связь между художником (микрокосмосом) и миром (макркосмосом).

Говоря о крупных формах пришвинской прозы, исследователи употребляет термин «роман» условно, идя вслед за автором. З.Я. Холодова обращает внимание на то, что «в высказываниях Пришвина о произведении содержится указание на такие особенности, как сочетание лирического и эпического, реального и сказочного в изображении героев, философское осмысление жизни и человека, то есть на жанровую структуру, которая свидетельствует о стремлении писателя синтезировать объективное изображение действительности и субъективное выражение своего внутреннего мира» [5, 245]. «В крупных произведениях, - дополняет Т.М. Трефилова, - специфичность поставленных целей резко изменила всю направленность изображения, подчиняя его философскому замыслу автора» [6,297]. По ее мнению, Пришвину «навсегда остались чужды возможности широкого эпического изображения явлений общественной жизни» [6,296]. В результате

«романы» трансформировались в новую жанровую разновидность с изменённым сюжетом, композицией и системой образами.

Наиболее целостный взгляд на специфику жанровой природы пришвинского романа принадлежит В.В. Агеносову [7]. По его мнению, из-за наличия в тексте философов, определенного круга мировоззренческих проблем и философских категорий все крупные повествовательные жанрообразования являются разновидностями философского романа. Роман вошел в эстетическую систему Пришвина как форма выражения идеи целостности мира, в которой сохранялось бы личностное начало как воплощение всеобщности. Отношение к роману как к возможности показать современность сочеталась с тяготением к традиционным фольклорным формам эпоса (сказка). В целом для полноценного жанра, в понимании Пришвина, характерны активное авторское вмешательство, лирико-философское начало, ослабленность сюжетного повествования, наличие лирического героя, синтез реализма и вымысла, сложная ассоциативно-символическая композиция. Сюжетно-композиционная организация пришвинских романов обладает признаками других жанровых структур, приносящих новые свойства (миниатюры, притчи, очеркового цикла, сказки, мифа).

Сказка в позднем творчестве писателя стала специфической формой его мировоззрения, воплотив идею художественного синтеза. Она сохранила традиционные черты: всеобщность, соединение реальности и выдумки, столкновение добра и зла. Сказочное начало помогало восстановить представление о единстве современного мира. Форма пришвинской сказки способна синтезироваться с другим жанром, выступая в качестве модели, определяющей нравственно-этической основы конфликта и способы его разрешения.

Описания и характеристики жанров пришвинской прозы (очерка, сказки, романа и др.) недостаточно четки, но они и не могут быть четкими. Возникает впечатление, что за разными жанровыми терминами стоит одна и та же структура, некое синтетическое целое, универсальная модель прозы писателя. Малые и крупные прозаические жанры трансформируются изнутри мощным потоком лирической рефлексии, превращаются в оригинальные синтетические формы. Можно сказать, что они стремятся к некоему пределу, совпадают с универсальными жанровыми моделями двух типов, характерными для пришвинской прозы. Для малых жанров такой моделью становится миниатюра во всех ее разновидностях, для крупных – контекстовые лирические композиции в прозе (цикл, книга). К первому «пределу» стремятся очерки и рассказы, ко второму приближаются романы, в которых описательные, сказовые и дидактические начала растворяются в лирической рефлексии, в самораскрытии субъекта повествования (автора, повествователя, рассказчика). В авторской концепции классические жанры претерпели серьезную

трансформацию, образуя некое синтетическое целое, универсальная модель пришвинской прозы.

Наиболее пристального внимания заслуживает жанр прозаической миниатюры в творчестве писателя. Многочисленные высказывания пришвиноведов и самого автора свидетельствуют о признании лирико-философской миниатюры как жанра в большей степени соответствующего специфике мышления писателя. Действительно, лирико-философскую миниатюру можно рассматривать как «корневой» жанр прозы Пришвина, в наибольшей степени соответствующий «поэтике мгновений». Писатель обращается к ней на протяжении всего творчества. Способ видения мира, заключенный в миниатюре, представляет некую устойчивую модель, ставшую особенно актуальной на определенном этапе литературного процесса. Миниатюра как метажанр потенциально содержит возможность непрерывного взаимодействия и диффузии различных повествовательных форм. Разновидности пришвинской миниатюры можно классифицировать по аналогии с разновидностями жанра, исходя из особенностей типа целостной организации. Тот или иной тип художественного целого обусловлен генезисом миниатюры – жанром, который послужил базисом для ее образования. Пришвинская лирическая миниатюра, таким образом, делится на лирико-описательную, лирико-повествовательную и лирико-медитативную. Лирико-описательная миниатюра возникла в процессе лиризации очеркового жанра. Дневниковая форма стала основой для лирико-медитативных. Лирико-повествовательные миниатюры образовались в результате «редукции» рассказа или новеллы, в результате разрушения событийно-фабульной основы, замены ее единым мотивно-образным комплексом. И те, и другие возникли на основе трансформации малых эпических жанров, синтеза поэтических и прозаических форм, в результате проникновения в них лирического начала.

В качестве практической составляющей спецкурса можно предложить студентам выполнить задание из учебника В.В. Агеносова «Русская литература» для 11 класса [8]. Автор предлагает провести анализ образа лирического героя миниатюры М.М. Пришвина «Мой дом» из цикла «Лесная капель» и сопоставить со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Мой дом». Выполним первую часть задания и проанализируем миниатюру Пришвина. Для того, чтобы выполнить задание, нужно обратиться к истории создания произведения и к биографии самого писателя. Миниатюра «Мой дом» входит в цикл «Следы человека», который в свою очередь является частью книги миниатюр «Лесная капель», написанной в 1943 г. Главная цель написания – показать ценность человеческой жизни, «сопряжение бесконечно малого земного в его трогательной единственности и неповторимости и бесконечно большого».

Созданию «Лесной капели» предшествовала в 1940 г. встреча Пришвина с В.Д. Лебедевой, впоследствии второй женой писателя. Именно это событие

стало толчком «духовного переворота», произошедшего с художником. Изменения состояли в том, что писатель, с присущим ему «врожденным религиозным чувством», «обходившийся в жизни с Богом, не спрашивая о нем, не называя его, признал себя человеком верующим и стал на этот путь» [9,237]. Подойдя к ситуации выбора между религией и поэзией, Пришвин видел для себя невозможность жизни как «подвига ради поэзии» и определил «первенство жизни перед искусством» [9,266]. Теперь он будет не просто писать о пути героя к идеалу, но воссоздавать живое присутствие идеала в реальности, в своей трагической современности. «Духовный переворот» Пришвина 1940-ого года в итоге стал возвращением к собственной сущности. «Новое» пришвинское понимание мира и искусства можно было соотнести с евангельским изречением «Не нарушить пришел Я, но исполнить».

Новые взгляды сформировали новый тип лирического героя. В миниатюре «Мой дом» и в целом «Лесной капели» им становится путешественник, искатель, натуралист, человек мудрый, уже нашедший «корень жизни» и тем самым открывший ценность бытия. Человек, «неотличимый от природы», по выражению самого Пришвина, причастный всему миру и каждой его части («дом мой был везде»). Обретение внутренней и внешней гармонии в представлении писателя возможно только через «родственное внимание» ко всему миру («дом мой был везде, где мне удавалось хорошо сочинять свои сказки»), поэтому сознание героя охватывает весь мир: леса, степи, горы.

Медитация лирического героя, его размышления о ценности прожитой жизни лирико-философична по своему характеру. Это отразилось на особенностях повествования. В минимальном объеме текста максимальное количество символов (дом, след, дерево, ручей (вода), тропинка (дорога, путь), корни, Друг (дорогие мои)). Повествование построено таким образом, что сознание лирического героя превращает в символ каждое слово. В результате, слово обладает и буквальным и символическим значением. Миниатюра «Мой дом», по сути, есть краткое, символическая история жизни художника, его философская концепция. Вспомнить свою тропинку – значит осмыслить свой собственный путь, который воплощен в образе извилистой тропинки, складывающийся из следов одного, другого человека. Таким образом, возникает символический образ человеческой жизни, неотделенной от коллектива, от Целого. Образ «извилистой тропинки» служит выражению сути жизни Художника, судьбы ищущего свой путь жизни. Дело в том, что сущность творческого процесса Пришвин видел в «изживании своего «Я» в «мы» [9,14].

Обращаясь к анализу лирического героя миниатюры «Мой дом», мы должны обратить внимание на идейно-мотивный комплекс произведения. Организующим сюжетное начало становятся мотивы Пути, «родственного внимания» и «корня жизни». Идея «своего пути» была одной из главных в творчестве писателя. Уже в первом романе «Кашеева цепь» писатель намечает

путь «к себе первоначальному», к тому «исключительному чувству» [10,21] «священной природы», которое ему было дано. Присущее Пришвину «чувство дали» заставляло его гимназистом бежать в Азию, студентом – идти в марксисты, а затем в агрономы, в писатели, причем становиться «писателем-бродягой» и путешественником. Он почти регулярно отправляется на русский Север, к Светлому озеру, в Среднюю Азию, в Крым, на Урал, на Дальний Восток, путешествует на планете Земля вокруг Солнца. Он ценил путешествия за возможность чувствовать себя в дороге «в руках Божьих, а не человеческих» [11, 222]. Главенство мотива Пути выражается через доминирование слов семы «движения» – следы, идет, нога, тропинка, походила. Путь, движение вперед выражают прежде всего представление писателя о творчестве как самой характерной черте всего живого. Жизнь есть непрерывный творческий акт, жизнь есть созидание с вечным движением вперед. В основе жизни и творчества – движение. Пока человек движется, идет вперед, он живет. «Жизнь есть путешествие» [11,153] и «Человеческий опыт может быть только в природе (жизни)», - запишет Пришвин в своем дневнике [11, 318].

С образом движения как жизни в творчестве писателя соотносится образ земли, который, начиная с «Календаря природы», становится одним из главных героев произведений писателя. Но земля обозначает не просто «почву» или поверхность земного шара, а «культурный слой», в котором оставляет след каждый, кто в нем жил, творил и обогатил собою. Следы человека есть ничто иное как воплощение культурной, созидательной деятельности человека, потому то герой «любит следы человека в природе» как знак причастности и нераздельности всего живого, как знак «родственного внимания» ко всему живому. «...Я искал свою мысль и нашел ее в участии своем личном в деле солнца, и леса, и земли! Я - участник всего, и в этом находится и радость моя и мысль», - запишет в дневнике Пришвин [11,21]. Следует отметить, что следы человека оставлены босой ногой. Почему же писатель делает именно такой акцент? Босая нога может символизировать «природность» человека, его тесную связь с живым миром, открытость.

Образ извилистой тропинки связан с одним из главных мотивов пришвинского творчества «дорога к Другу». Это поиск единомышленника, это стремление уйти от одинокого «Я» к «Мы». Одним из воплощений Друга становится образ Читателя. Начиная 1930-х годов, писатель все больше ориентируется на конкретного читателя своего времени. В миниатюре автор обращается «дорогие мои», подчеркивая тем самым общность и «родственность» автора и читателя. Непосредственное обращение в тексте к Читателю как к другу и самому близкому человеку с доверием, открытой душой и любовью - одна из характерных черт пришвинского лирического героя. Это также способствует лиризации текста. Особую роль в раскрытии внутреннего мира лирического героя играют пространственные образы леса, степи, гор, являющимися не только знаками земной поверхности, но и

символами Пути, необъятного горизонта. Вертикальное пространство - подъемы и спуски – символы взлетов и падений жизни художника.

Подводя итоги, можно заметить, что анализ образа лирического героя в пришвинской миниатюре превратился в рассмотрение мотивов и символов. Это, в первую очередь, отражает специфику художественно-эстетической системы писателя: сознание героя объемлет собою весь текст и организует сюжетно-композиционный уровень. Итак, изучение пришвинской жанровой системы есть процесс крайне важный для понимания всех особенностей русского литературного процесса первой половины XX века, исследование которого должно строиться как в рамках основного курса, так и в рамках курсов по выбору. На сегодняшний день Пришвин без преувеличения является самым непрочитанным и, как следствие, неизученным из числа крупных русских писателей минувшего века. Другого автора, чье литературное наследие не опубликовано и наполовину (имеется в виду Дневник Пришвина), у нас просто нет, и во многом этим определяется актуальность введения данного спецкурса.

Литература

1. Паустовский К.Г. Золотая роза. Михаил Пришвин. // Избранные произведения в 2 томах, т. 2., М.: Художественная литература, 1977. – 285 с.
2. Пахомова М.Ф. Михаил Михайлович Пришвин. Л.: Просвещение, 1970. – 128 с.
3. Киселев А.Л. Пришвин-художник. Хабаровск, 1978.
4. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.
5. Холодова З.Я. Художественное мышление М.М. Пришвина: содержание, структура, контекст. Иваново: Изд-во Иваново, 2000. – 295 с.
6. Трефилова Т.М. М.М. Пришвин // История русской советской литературы: в 4 т., М.: ИМР АН СССР, 1956. – 476 с.
7. Агеносов В.В. Творчество М. Пришвина и современный философский роман. М.: Прометей, 1988. – 128 с.
8. Агеносов В.В. Русская литература XX века / под ред. В.В. Агеносова. М.: Дрофа, 2001. – 512 с.
9. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.
10. Дворцова Н.П. М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов): учебное пособие. Тюмень, 1995. – 125 с.
11. Пришвин М.М. Дневник. 1918-1919. М.: Московский рабочий, 1994. – 384 с.